

УДК 94 (470.67)

СУРХАЙ-ХАН КАЗИКУМУХСКИЙ В БОРЬБЕ ПРОТИВ НАДИР-ШАХА: СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ И РЕАЛЬНЫЕ ФАКТЫ

Н.А. Сотавов

Дагестанский государственный университет

В статье освещается освободительная борьба народов Дагестана против владычества Надир-шаха. Показана роль в этой борьбе виднейших дагестанских владетелей на примере деяний Сурхай-хана Казикумухского. Подвергнуты анализу субъективные суждения, выявлено значение разгрома Надир-шаха для воспитания молодежи в духе патриотизма и дружбы народов в современных условиях.

The article is dedicated to the struggle for freedom of the peoples of Daghestan against Nadir-shah dominion. The role of the prominent Daghestan rulers in this struggle with Surkhay-khan from Kasikumukh as an example is shown. Subjective opinions are analyzed in the article and the importance of Nadir-shah rout for upbringing the youth in the spirit of patriotism and friendship of the peoples in modern times is underlined.

Ключевые слова: Сурхай-хан; Казикумух; Надир-шах; Иран; борьба; единство.

Keywords: Surkhay-khan; Kasi-Kumukh; Nadir-shah; heroism; unity.

В многовековой истории народов Дагестана важнейшее место занимает героическая борьба против владычества Надир-шаха, завершившаяся разгромом его 100-тысячной армии объединенными силами всех народов края, поддержанных и другими народами Кавказа. Неслучайно это событие, выдвинувшее на кавказскую арену ряд влиятельных политических и духовных деятелей, породило обширную литературу на разных языках [1–7 и др.]. Но в работах ряда авторов преобладают субъективные оценки, превозносящие в событиях роль своих правителей и, наоборот, оставляющие в тени достоинства других [8, 9]. Сказанное относится и к дагестанским правителям, особенно к Сурхай-хану Казикумухскому, деяния которого в одних случаях представлены негативно, в других – с некоторой романтической окраской [10, 11].

В работах азербайджанских историков проявляется тенденция к идеализации образа Надир-шаха [12, 13].

В свете сказанного представляется актуальным всестороннее освещение роли Сурхай-хана в борьбе с Надир-шахом на основе новых архивных источников: Архива внешней политики России (АВПРИ), Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), неиспользованных ранее персидских исторических документов (ПИ ДКТ), историографических трудов отечественных и зарубежных авторов и других материалов, имея в виду, что в представленном формате статьи эта проблема до сих пор не рассматривалась.

Особое внимание в статье к Сурхай-хану уделено потому, что к моменту вторжения Надир-шаха в Дагестан он являлся наиболее известным и влиятельным из местных владетелей, находился в подданстве у Порты с титулом верховного правителя Дагестана и Ширвана с резиденцией в Шемахе, первым вступил на путь борьбы с захватчиками в 1734, 1735 гг. и продолжал с ними непримиримую борьбу во время Дагестанского похода шаха в 1741 г.

Но обстоятельства для борьбы защитников родного края с врагом складывались неблагоприятно. В декабре 1733 г. Надир-шах нанес сокрушительное поражение 40-тысячной турецкой армии под Багдадом, что вынудило губернатора Багдада Ахмед-пашу подписать мирный договор с условием возвращения Ирану всех захваченных османами бывших иранских владений, в том числе и на Кавказе. Пользуясь этим, в августе 1734 г. Надир-шах направил к Сурхаю специального курьера с предложением сдать Шемаху, ссылаясь на то, что султан Махмуд, согласно подписанному Ахмед-пашой Багдадскому договору 1733 г., разослал всем своим наместникам «хат-и шерифы» с требованием «немедленно очистить провинции, находящиеся под их управлением» [14].

Сурхай категорически отверг это требование, отправил отрубленную голову курьера в Стамбул, а самому Надиру ответил: «Мечами лезгинских (дагестанских. – С.Н.) львов мы завоевали Ширван. Какое право имеет Ахмед из Багдада или кто-либо еще вмешиваться в наши дела?» [15, с. 102]. Одновременно Сурхай, для того чтобы подготовиться к борьбе с

Надиром, эвакуировал жителей из Шемахи, но оставил город, решив дать сражение в более выгодных условиях. В середине августа 1734 г. иранские войска ворвались в Шемаху, сровняли ее с землей, опустошили близлежащие ширванские селения. Этими мерами Надир старался устрашить народы Азербайджана и Дагестана и склонить Сурхай к капитуляции.

Но Сурхай не склонился перед грозным завоевателем. Он готовился к борьбе, сплачивая своих сторонников, собирал войска в Кабалинском магале. «Обстоятельства сложились так, – отмечает В.Н. Левиатов, – что с этого времени Сурхай-хан Казикумухский стал одной из важнейших фигур в борьбе против иранского завоевателя. С этих пор на некоторое время он привлек симпатии населения Дагестана и Азербайджана на борьбу против Надира, стремившегося к обладанию этими странами» [16].

Так началась первая «шемахинская экспедиция» Надира, ставшая прелюдией для вторжения в Дагестан. Решающее сражение между противниками произошло 17 сентября в урочище Деве-Батан между Шемахой и Кабалой, где Сурхай против 42-тысячной иранской армии смог выставить 22-тысячное войско. О результатах этого сражения хорошо осведомленный об этих событиях генерал В.Я. Левашов писал, что сначала горцы потеснили противника, но «от великой пушечной пальбы Сурхай устоять не смог, и с войсками своими ретировался» [17, л. 48 с об.].

Желая сохранить силы для дальнейшей борьбы, Сурхай заблаговременно отступил в Казикумух, решив дать сражение в лакских селениях ближе к своей резиденции. Об этом Левашов также доносил, что «Тахмас хан (Надир-шах. – *Н.С.*) не одолев сурхайцев оставил при тех деревнях довольную команду», а с основными силами пошел за Сурхаем, настиг его в Кумухе «по которой учинил великую пушечную стрельбу», отчего Сурхай вынужден был бежать в Аварию, после чего «Надир занял Казикумух, Сурхай прибыл в аварское владение Джук... и тамо умножает войско свое с намерением еще Тахмас хану (Надиру. – *Н.С.*) чинить сильное противление» [17, л. 48 с об. – 49].

Стараясь поднять свой престиж в войсках и сопредельных странах, Надир объявил о полной победе над Сурхаем и покорении всего Дагестана. Однако до решения этих задач было далеко. Ссылаясь на рапорт своего офицера, прикомандированного к свите шаха, об исходе этой операции отправленный для переговоров с Надиром князь С.В. Голицын писал, что полученный им рапорт от этого офицера «с прежними разглашениями (Надира. – *Н.С.*) весьма не сходствует а именно он Тахмас хан (Надир. – *Н.С.*) во всю Дагистанию не ходил... нигде главной схватки с неприятелем не имел... токмо весьма оной Тахмас хан люди потерял при возвращении своему оттуду... так что и с самого ханского обозу от того уцелело немного» [18, л. 145 об.].

Положение завоевателей в Дагестане оставалось тяжелым. Повсюду на них нападали дагестанцы, азербайджанцы и джарцы. Учитывая сложившуюся обстановку, в конце сентября Надир решил вернуться в Иран. Но перед уходом из Дагестана он восстановил титул дагестанского шамхала и передал эту власть тарковскому владельцу Хасбулату.

На обратном пути в Иран Надир напал на джарцев и лезгин, сжег Ахты, но и сам понес значительный урон. Касаясь нападения иранцев на воинственных лезгин, Голицын отмечал, что «хотя здесь гласили якоб Тахмас хан их разбив много полону побрал, токмо как мой офицер видел ничего не везли, но везли многих здешних людей (иранцев – *Н.С.*) побитых и раненых» [18, л. 146]. Так и не добившись главной цели, оставив правителем Шемахи Мухаммед Кули-хана Сейдлу, 15 октября Надир подошел к Гяндже, где полгода спустя (10 марта 1735 г.) был подписан русско-иранский Гянджинский договор о возвращении Ирану прикаспийских областей и части Дагестана с отводом русских войск за реку Сулак, на Терек, но, чтобы эти области не были захвачены Турцией [19].

Выполнение условий Гянджинского договора резко ухудшило внутреннее и международное положение Дагестана и прикаспийских областей. По мере перемещения русских войск из указанных территорий на Терек в Кизляр борьба между Ираном и Турцией за овладение этим регионом достигла кульминации. В образовавшийся «вакуум» под видом защиты правоверных мусульман-суннитов от «неверных еретиков» – иранских шиитов Порта бросила 80-тысячную конницу крымского хана Каплан-Гирея, которая, потеряв часть сил на территории Чечни, в начале октября 1735 г. достигла Дербента. В ответ русское правительство перебросило из Польши в направлении Крыма 80-тысячный корпус графа Б.-Х. Миниха и 40-тысячный отряд с Кавказа под командованием генерала М.Н. Леонтьева. Узнав об этом, хан поспешно ретировался в Крым, назначив шамхалом сторонника Турции Эльдара, правителем Ширвана Сурхай и губернатором Дербента уцмья Ахмед-хана [5, с. 98].

Однако эти меры имели символическое, а не реальное значение. Приближение крымцев к Дагестану ускорило нашествие иранских завоевателей. Разгромив турок в Закавказье в середине июня, Надир двинул свои войска в Ширван и Дагестан. Так началась вторая «шемахин-

ская экспедиция», в ходе которой, выступив из-под Гянджи в начале октября 1735 г., опустошив джарские джамааты, Шеки, Ширван, Шемаху, лезгинские и табасаранские магалы, 21 ноября иранские войска подошли к Дербенту.

Узнав здесь о том, что Эльдар, уцмий Ахмед-хан и Сурхай решили напасть на признанного им в 1734 г. шамхалом Дагестана Хасбулата, он стремительным маршем в начале декабря достиг Губдена, где и соединился со своим приверженцем. Стало очевидным, что объединенные силы Надира и Хасбулата могут сокрушить слабо обученные немногочисленные отряды Сурхая, Ахмед-хана и Эльдара. Опасаясь этого, каждый из них отступил в свои владения. Это подвигло Надира приступить к решению главной задачи – «принудить всех князей дагестанских покориться ему» [20].

Как и год назад, Надир решил расправиться сначала со своим непримиримым противником – Сурхай-ханом. 17 декабря вместе с Хасбулатом иранские войска начали наступление на Кази-Кумух. Решающее сражение произошло три дня спустя в трех милях от Кумуха – в урочище Шаррат, где Сурхай был разбит и отступил сначала в Кази-Кумух, а затем в Аварию.

Однако эта победа далась противнику нелегко. Касаясь исхода этого сражения, современник событий иранский историк Муххамед-Казим пишет: 30-тысячное войско Надира под его командованием напало на 10-тысячный отряд Сурхай-хана. Несмотря на неравенство сил, в разгар битвы «смелый, отважный Сурхай устремился в центр боя» [21]. Битва была жестокой и вызвала потери с обеих сторон. «Земля была окрашена кровью, – повествует этот автор, – как Джейхун или Дежле» (Аму-Дарья или Багдадская река. – *Н.С.*) [21]. Разбитый превосходящими силами противника, Сурхай упорно сопротивлялся, но под угрозой окружения вынужден был уйти в аварские земли. Однако, несмотря на одержанную победу, Надир и на этот раз не осмелился вступить в Аварию. Положение завоевателей ухудшалось с каждым днем. Как свидетельствуют иранские источники, нападавшие со всех сторон горцы уничтожали «с помощью мечей многих иранцев» [10, с. 283].

Создавшаяся ситуация вынудила Надира маневрировать. Надеясь закрепиться в Южном Дагестане, он распустил слух, что ввиду наступившей зимы он намерен отложить поход против Сурхая, если «лезгины из Докузгара дадут ему 1000 лошадей и направлять свои семьи в качестве заложников» [5, с. 95]. Строптивые лезгины подверглись страшным репрессиям, после чего «главные лица Табасарана (майсум и кадий – *Н.С.*)... покорились Надиру. Он наградил Хасбулата и других лояльных лидеров Дагестана и разрешил им вернуться домой» [5, с. 95–96]. На обратном пути Надир рассеял отряды акушинского кадия Гаджи Аюба, разорил ряд даргинских аулов, покорил кайтагского уцмья Ахмед-хана и, оставив значительные силы в Дербенте, вернулся в Мешхед, чтобы завоевать новые страны на Востоке.

В ходе успешного завоевания Афганистана и Индии планы Надира обретали новые черты. Все большее место в стратегических замыслах шаха к исходу Индийского похода стал занимать Дагестан, прежде всего непокорившийся Сурхай-хан. Неслучайно на приеме высшей военно-феодальной знати, посвященном итогам Индийского похода, он заявил: «Я взял под свою власть Хиндустан, земли Турана и Ирана, а сейчас я так пожелал: с огромным, бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое клеймо (даг) на этой стране. От такого клейма огонь пойдет по всему миру» [22, с. 72–73]. По словам Мухаммеда Казима, после этой встречи «войско пришло в движение и, делая переход за переходом, двинулось в сторону Дагестана» [23].

Но надежды шаха добиться быстрого успеха не оправдались. В то время как Надир-шах одерживал блистательные победы на Востоке, в Дагестане и Азербайджане начались массовые и длительные антииранские восстания. Попытки их подавления обернулись для захватчиков огромными потерями, гибелью брата шаха Ибрагим-хана, вызвавшими гнев и серию грозных указов Надира-шаха в адрес шамхала Хасбулата и уцмья Ахмед-хана с требованием беспощадно подавить эти восстания и «навести порядок в тех краях» [24].

Выполняя этот приказ под наблюдением сына шаха Риза-Мирзы, прославленные полководцы Абдали Гани-хан и Фетх Али-хан в марте 1741 г. во главе 40-тысячного войска начали штурм джаро-белоканских джамаатов, чтобы создать на их территории мощный плацдарм для наступления на Дагестан. Но джарцы оказали им упорное сопротивление, не сдаваясь в плен и погибая в неравном бою. Разгромив джарцев, военачальники шаха опустошили Шекинскую область и часть Ширвана, не оставили в доступных им местах «следов оседлости и разрушили все селения» [25].

Предпринятые после погрома джарцев попытки иранских командующих склонить на свою сторону путем подкупа и угроз дагестанских владетелей не имели успеха. Перед надвигающейся опасностью нового нашествия иранских сил на Дагестан усилилось стремление к единству между народами Дагестана, Азербайджана и Грузии. На путь борьбы с захватчиками

теперь встали не только Сурхай-хан Казикумухский, но и Амед-хан Мехтулинский, горские старшины Малаччи и Галега, грузинский эристави Шенша, джарские старшины Ибрагим Диванэ, Магомед-Халил, Гаджи Ага Муртуз и начавший отходить от шаха Ахмед-хан Кайтагский и др.

Опасаясь последствий такого единства и пользуясь отсутствием для народов Дагестана поддержки извне, весной 1741 г. Надир-шах организовал Дагестанский поход, чтобы истребить горцев или изгнать их из гор. По словам современного иранского военного историка А.Т. Сардадвара, такими мерами шах стремился не только отомстить горцам за гибель своего брата Ибрагим-хана, как объявил публично, но, главным образом, захватить Дагестан, чтобы показать России и Турции свою ударную силу [7, с. 736].

Демонстрируя эту силу, двигаясь через Барду, Кабалу и Шагдаг, беспощадно истребляя жителей встречных аулов, авангардные иранские части к исходу мая подошли к Дербенту. Но жестокости завоевателей не сломили воли горцев – они привели к обратным результатам. В связи с приближением передовых иранских частей к Дербенту Сурхай-хан и уцмий Ахмед-хан обязались взаимной клятвой сражаться до конца, а «к шаху не ехать, быть заедино» [26, л. 10–11].

Но горцы сознавали, что собственными силами не могут защититься от нависшей опасности. Поэтому владельцы и старшины Дагестана активно искали поддержки извне: одни – со стороны России, другие – Османской империи. Согласно местным архивным источникам, многие из них, ведя неравную борьбу с иранскими захватчиками, разочаровавшись в бесплодных обещаниях Порты, обращались к России, «прося покровительства и помощи против Надира». По словам прибывших в это время в Кизляр очевидцев, горцы усиленно добивались, чтобы Россия приняла их «под свое могучее покровительство» [26, л. 66]. Но Россия не решалась оказать им помощь, связанная Гянджинским 1735 г. договором с Ираном.

Положение осложнялось тем, что к 40-тысячному иранскому войску, разгромившему джарские джамааты и продолжавшему карательные экспедиции против дагестанцев, подходили новые силы. Как доносил находившийся в свите шаха российский посол И.И. Калужин в конце июня 1741 г., шах сам направился в Дербент, имея с собой 66-тысячное войско, «кроме обретающихся в лезгинской (дагестанской. – *Н.С.*) экспедиции» [18, л. 237]. С этим войском к исходу месяца он достиг Шемахи, откуда лично обратился к дагестанским владельцам и старшинам с призывом быть на его стороне, но добился лишь видимой покорности отдельных невлиятельных лиц.

В этой связи уместно отметить, что, касаясь этих и предвзято ход дальнейших событий, отдельные исследователи приходят к поспешному выводу о том, что виднейшие дагестанские владельцы отказались от борьбы. Так, Ф.М. Алиев, ссылаясь на Дж. Ханвея и А.А. Бакиханова, пишет, что, испугавшись жестокого обращения и польстившись на щедрые обещания шаха, «они изъявили свою покорность... Одним из первых в лагерь Надир-шаха явился уже неоднократно упоминавшийся, непоследовательный и неустойчивый в своих политических взглядах не раз изменивший народу Сурхай-хан Казикумухский. Вместе с ним прибыли шамхал Тарковский и уцмий* Табасаранский. Хотя Надир-шах сперва принял их холодно, но вскоре одарил богатыми халатами и лошадьми с золотыми уборами» [27, с. 155].

Однако выявленные нами новые источники, а также исследования ряда других авторов опровергают столь поспешные выводы. Наоборот, они подтверждают, что почти все дагестанские владельцы и старшины, за исключением Хасбулата и его ближайших родственников Эльдара и Мехди, не только не перешли на сторону шаха, но продолжали борьбу до последней возможности.

Что касается подлинной позиции Сурхая и других упомянутых Ф.М. Алиевым дагестанских владельцев, явившихся якобы на поклон к шаху в Шемаху, то достоверные сведения об этом содержатся у Мухаммада-Казима. Повествуя о дальнейших событиях со слов очевидцев, автор признает, что к шаху в Шемаху явились не главные, а второстепенные лица, из уст которых он «не захотел услышать их пустые слова и сразу отправил их обратно», внушив им мысль, что «Сурхай, большой уцмий (Ахмед-хан. – *Н.С.*), который есть их падишах и повелитель, должен удостоиться целования порога (Надира) в округе Демуркаби (Железные ворота – Дербент)» [22, с. 74]. Отмечая, что когда отпущенные домой владельцы вернулись обратно и доложили сказанное шахом Сурхаю и его окружению, то они пришли к единодушному мнению: «Поступки уника эпохи (Надира) хитры и коварны. Намерения его таковы: когда высокопоставленный падишах шамхал и Сурхай явятся к нему, (он) их пленит, подчинит всю страну Дагестан и произведет всеобщее избиение». Вслед за такой констатацией М. Ка-

* *Уцмий* – титул владельца Кайтага. Табасаранские владельцы имели свою титулатуру: Нижнего – майсум и Верхнего – кадий.

зим делает такой вывод: «Сурхай и прочие предводители решили бороться и биться, избрав мятеж своим помыслом» [Там же].

Убедившись еще раз в готовности горцев сражаться до конца, двигаясь через Барту, Кабалу и Шахдаг, подавляя малейшие попытки к сопротивлению, в двадцатых числах июля шах достиг Дербента. Оказавшись без поддержки в этот трудный момент, горцы стали готовиться к трудной борьбе. Спешные оборонительные меры предпринимали Сурхай, уцмий Ахмед-хан, его племянник Ахмед-хан Мехтулинский и др. Отправленный специально для «разведования в горы» Б. Чимамаатов доносил в Кизляр: «Сурхай сообщился с тавлинцами, построил в горах по ущельям... десять городков каменных, во оных расставил свое войско да семь городков построили кубачинцы на таких же переходах и поставили в них пушки и ныне оной Сурхай и кубачинцы к войне во всякой готовности» [18, л. 260 с об.].

Осведомленный об этом Надир-шах в конце июля 1741 г. во главе многотысячного войска начал наступление в сторону гор, добился вытеснения из Дженгутая Ахмед-хана Мехтулинского, захватил Акушу и снова решил покорить Сурхай-хана. По мере продвижения иранских войск упорное сопротивление врагу росло на каждом шагу, отчего воины шаха несли большие потери. «Героизм и смелость лезгин (дагестанцев. – *Н.С.*), – признает А.Т. Сардавар, – действительно достойны удивления... подвигов лезгин было так много, что это можно сравнить с подвигами японцев (камикадзе. – *Н.С.*) в начале второй мировой войны» [7, с. 739].

Преодолев сопротивление горцев, в первых числах августа шахские войска подошли к Казикумуху. Несмотря на малочисленность своих сил, Сурхай решил сопротивляться, разослав воззвания жителям близлежащих «вольных» обществ. Так, в обращении к Чохскому джамаату он писал: «Эй люди, имеющие в своих сердцах веру хоть в объеме одного золотника, выходите воевать с каджарами (иранцами. – *Н.С.*). Сегодняшний день – это тот день, когда каждый мусульманин свято обязан идти на войну с проклятыми людьми» [27, с. 327].

Разослав гонцов в соседние аулы, Сурхай отправил свою конницу с сыном Муртузали в Андалал, где скапливались мощные силы со всех концов Дагестана для решающих сражений с противником. С оставшимися небольшими силами он первым напал на врага, но был разбит и 12 августа с кумухскими старшинами оказался в плену. Находившийся в иранском лагере русский посол И.И. Калужкин в тот же день отправил депешу в Кизляр: «Сурхай видя свое изнеможение против шаха стоять, запотребно признал знатными старшинами шаху покорность принесть» [18, л. 278 об.].

Заняв 14 августа Казикумух, шах направился для взятия Кубачи, где уцмий Ахмед-хан в течение трех недель сдерживал натиск 24-тысячного иранского войска. После пленения Сурхая положение уцмийа стало критическим. Стараясь избежать поголовного уничтожения защитников крепости, Ахмед-хан признал себя побежденным, но с условием сохранения Кубачи под властью выборных старшин. Сопровождавший Калужкина пристав И. Неветаев 20 августа сообщил в Кизляр, что «шахские войска владельца Усмея со всех сторон обошли, который де потому, как и Сурхай, в подданство придти имеет» [18, л. 285].

Возомнив себя победителем Дагестана после этих побед, он решил склонить к покорности Нагорный Дагестан, особенно Аварию, ибо, как верно заметил Локкарт, «пока Авария оставалась непокоренной, ключ к Дагестану был в недосыгаемости Надир-шаха» [5, р. 207]. С этой целью 12 сентября 1741 г. он начал наступление на Аварию, но в решающих сражениях под аулами Согратль, Чох, Обох, Мегеб, Шитли, Бухты Андалалского края, а также Камахи, Талисма, Ури, Улучара, Мукар, Варанай Казикумухского ханства Надир-шах потерпел сокрушительное поражение, ставшее закатом его военной славы, началом гибели «непобедимой» 100-тысячной армии и оказавшейся в состоянии агонии его деспотической военно-феодальной державы [3, 4, 28, 29, 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958. 284 с.
2. Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741–1743 гг.) // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. 1958. Т. 5. С. 108–131.
3. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. 264 с.
4. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. 350 с.
5. Lochart L. Nadir Shah. London, 1938. 344 p.
6. Erel Ş. Dagistan ve dagistanlilar. Istanbul, 1961. 364 p.
7. Сардавар А.Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе доване Надершах-е Афшар. Техран, 1354/1975. 910 с. (На перс. яз.).
8. Астрабади М.М. Джахонгоша-е Надири. Техран, 1382/1962. С. 8–9, 17–18, 232–239, 396–399. (На перс. яз.).

-
-
9. *Мухтодар Г.Х.* Набордхо-е бозорг-е Надер-шах. Техран, 1380/1960. С. 5, 8, 22, 33, 44, 105, 110. (На перс. яз.).
 10. Дорре-е Надери (Пакшоде-е ан). Техран, 1334. 146 с. (На перс. яз.).
 11. *Мусаев С.А., Курбанов А.Д., Каяев А.М.* Гази-Кумух. Эпоха Сурхай-хана I. Махачкала, 2011.
 12. *Азимли Д.М.* Надир-шах Афшар-полководец, воин и правитель // Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха: материалы Междунар. науч. конф., проведенной в рамках «Года Российской истории». Махачкала, 2012. С. 42–43.
 13. *Гасымов Х.* О некоторых искаженных проблемах истории народов Кавказа XVIII в. // Там же. С. 96.
 14. *Бакиханов А.-К.А.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 137–138.
 15. *Локкарт Л.* Надир шах. Критическое исследование на основе источников (Лондон – 1938). / пер. с англ. *Н.Р. Гезаловой.* Баку, 2004. С. 102.
 16. *Левиатов В.Н.* Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 102.
 17. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89: Сношения России с Турцией. Оп. 77/1, 1734. Д. 4; Д. 9.
 18. Там же. Ф. 77.
 19. Договоры России с Востоком – политические и торговые / сост. *Т.Д. Юзефович.* СПб., 1869. С. 200–207.
 20. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 76. С. 485.
 21. *Мухаммад-Казим.* Наме-йи Аламара-йи Надири. М., 1960. Т. 2. С. 283. (На перс. яз.).
 22. *Козлова А.Н.* «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1976. С. 72–74.
 23. *Мухаммад-Казим.* Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из «Тарих-и Аламара-йи Надири») / пер., предисл. и прим. *П.И. Петрова.* 1961. С. 29 об.
 24. Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Тбилиси, 1974. Вып. 4. Кн. 1. Док. 5, с. 17–18; док. 6, с. 29–30; док. 7, с. 32–33.
 25. *Алкадари Г.-Э.* Асари Дагестан. Махачкала, 1994. С. 70.
 26. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 379: Канцелярия коменданта г. Кизляр. Оп. 1, 1741. Д. 65. Л. 10–11, 66.
 27. *Алиев Ф.М.* Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. С. 155.
 28. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957. С. 327.
 29. *Сотавов Н.А., Касумов Р.М.* Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008. С. 98–114.
 30. *Сотавов Н.А.* Борьба народов Дагестана против владычества Надир-шаха в контексте кавказской политики Российской империи // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя: сб. ст. / под общ. ред. *А.-Н.З. Дибирова.* М., 2013. С. 53–62.

Поступила в редакцию 11.03.2013 г.

Принята к печати 24.12.2014 г.